

Терминус

Автор:

Станислав Лем

Терминус

Станислав Лем

Пилот Пиркс #5

«От остановки до ракетодрома путь был неблизкий, особенно если тащить чемодан. Над призрачно белеющими полями стояла предрассветная мгла, по шоссе в серебристых клубах тумана, посвистывая шинами, проносились грузовики; на поворотах стоп-сигналы вспыхивали красным светом. Перекладывая чемодан из одной руки в другую, Пиркс посмотрел вверх. Туман, должно быть, оседал – просвечивали звезды. Пиркс невольно поискал курсовую для Марса. Серая мгла вдруг заколебалась...»

Станислав Лем

Терминус[1 - Terminus, 1961. © Перевод. Е. Вайсброт, 1993]

1

От остановки до ракетодрома путь был неблизкий, особенно если тащить чемодан. Над призрачно белеющими полями стояла предрассветная мгла, по шоссе в серебристых клубах тумана, посвистывая шинами, проносились грузовики; на поворотах стоп-сигналы вспыхивали красным светом. Перекладывая чемодан из одной руки в другую, Пиркс посмотрел вверх. Туман, должно быть, оседал – просвечивали звезды. Пиркс невольно поискал курсовую

для Марса. Серая мгла вдруг заколебалась. Неправдоподобно зеленый огонь насквозь прошел темноту. Пиркс машинально открыл рот: приближался гром, а за ним – горячий вихрь. Земля задрожала. В одно мгновение над равниной взошло зеленое солнце. Снег до самого горизонта засверкал ядовитым блеском, тени от придорожных столбов побежали вперед, а все, что не стало ярко-зеленым, почернело, словно обуглилось. Растирая зеленые ладони, Пиркс смотрел, как один из призрачно освещенных стрельчатых минаретов, которые, казалось, по странному капризу зодчего сгрудились в центре окаймленной холмами котловины, отрывается от земли и величественно поднимается в небо, опираясь на огненный столб. Когда грохот стал материальной силой, заполнившей все вокруг, Пиркс, закрыв лицо ладонями, увидел сквозь пальцы далекие башни, строения, цистерны, окруженные алмазным ореолом. Окна Управления порта пылали, словно за ними бушевал пожар; все очертания начали колебаться и изгибаться в раскаленном воздухе, а виновница всего этого с торжествующим ревом исчезала в высоте, оставив на земле огромный черный дымящийся круг. Спустя минуту с усеянного звездами неба хлынул крупный теплый дождь – сработал эффект конденсации.

Пиркс поднял свою ношу и пошел дальше. Взлет ракеты будто сломил ночь: с каждой минутой светлело – уже было видно, как оседает во рвах тающий снег и вся равнина выплывает из облаков тумана.

За сетчатым забором, сверкающим от воды, тянулась защитная стенка для людей из ракетодромной команды, со скатами, покрытыми дерном. Ноги скользили по мертвой, набухшей водой прошлогодней траве, но Пиркс слишком спешил и не стал искать ступенек ближайшего перехода, с разгона взбежал вверх и увидел ее издалека.

Она стояла особняком, высоченная, как башня, выше других ракет. Таких не строят уже давно. Он обходил разлившиеся на бетоне мелкие лужицы; дальше их почти не было: вода мгновенно испарилась от теплового удара, четырехугольные плиты сухо и резко, как летом, звенели под каблуками. Чем ближе он подходил, тем выше приходилось задирать голову. Обшивка выглядела так, будто ее послойно покрывали клеем, обмазывали глиной и обертывали каким-то тряпьем. Раньше к вольфраму подмешивали асбестовый карбоволокнит. Стоило кораблю два-три раза обгореть при торможении в атмосфере, и он покрывался лохмотьями, словно его пытались ошкурить. Срывать их не имело смысла – из-за страшного сопротивления воздуха на старте сейчас же появлялись новые. А устойчивость, управляемость – хоть сразу в

Космический Трибунал: состав преступления налицо.

Он шел не спеша, хотя чемодан уже порядком оттянул руки: хотел как следует осмотреть корабль снаружи. Ажурная конструкция трапа вырисовывалась на фоне неба – совсем как лестница Иакова. Обшивка ракеты была серая, цвета камня; впрочем, все еще было серым: раскиданные по бетону пустые ящики, баллоны, обломки ржавого железа, бухты металлических тросов. Беспорядочно разбросанные, они свидетельствовали о спешке, с которой производилась погрузка. Не доходя шагов двадцать до трапа, Пиркс поставил чемодан и огляделся. Похоже, груз на месте; огромная, на гусеничном ходу погрузочная платформа была отодвинута, ее крюки висели в воздухе метрах в двух от корпуса. Он обошел стальную опору, которой черневший на фоне утреннего неба корабль упирался в бетон, и оказался возле кормы. Железобетон осел под колоссальным давлением опоры, от нее во все стороны разбегались стрелы трещин.

«Заплатят и за это», – подумал Пиркс о владельцах корабля, вступая в тень, отбрасываемую кормой.

Он остановился под воронкой первой дюзы, запрокинул голову. Ее край, слишком высокий, чтобы до него можно было дотянуться, покрывали толстые наслоения копоти. Пиркс потянул носом воздух. Хотя двигатели молчали уже давно, он различал резкий, характерный запах ионизации.

– Иди-ка сюда, – проговорил кто-то у него за спиной.

Он обернулся, но никого не увидел, только снова услышал тот же голос – будто всего в трех шагах.

– Эй, есть тут кто? – крикнул Пиркс.

Его голос глухо прозвучал под черным, ощерившимся десятками дюз куполом кормы. Он перешел на другую сторону и увидел копошащихся вдали, метрах в трехстах, людей. Выстроившись в ряд, они тянули по земле тяжелый топливный шланг. Больше не было никого. Он с минуту еще прислушивался, наконец снова, на этот раз сверху, долетело неясное бормотание. Видимо, это был эффект воронкообразных отверстий: они действовали как рефлекторы, концентрируя звуки. Он вернулся за чемоданом и направился к трапу.

Занятый своими мыслями – что это были за мысли, он не смог бы ответить, – Пиркс не заметил, как одолел шестиэтажную лестницу. Наверху, на платформе с алюминиевыми поручнями, он не обернулся, чтобы взглядом проститься с Землей. Это даже не пришло ему в голову. Прежде чем толкнуть дверь люка, он провел пальцем по обшивке. Терка, да и только! Поверхность напоминала изъеденный кислотами камень.

– Ничего не поделаешь... сам того хотел, – пробормотал он.

Дверца люка подалась с трудом, словно была камнями привалена. Шлюзовая камера походила на бочку изнутри. Он провел пальцами по трубам, растер сухую пыль. Ржавчина.

Протискиваясь через внутренний люк, Пиркс успел заметить, что уплотняющая прокладка подремонтирована. Вверх и вниз шли вертикальные колодцы коридоров, освещенные ночными лампами, свет их вдали сливался в голубую полосу. Где-то шумели вентиляторы, гнусаво чмокал невидимый насос. Пиркс выпрямился. Окружающую его громаду с броневого обшивкой и палубами он ощутил как продолжение собственного тела. 19 тысяч тонн, черт побери!

По дороге в рубку Пиркс никого не встретил. Коридор заполняла абсолютная тишина, точно корабль был уже в космическом пространстве. Мягкая обивка стен была в пятнах; изношенные тросы, служившие опорой при невесомости, свисали вниз. Десятки раз перерезанные и сращенные соединения трубопроводов напоминали обгоревшие клубни, вынутые из затухающего костра.

По пандусам он дошел до шестиугольного помещения с овальными металлическими дверями в каждой стене; пневматиков не было, вместо них – веревки, обмотанные вокруг медных ручек.

Окошки цифровых индикаторов тарацились стеклянными бельмами. Пиркс нажал кнопку информатора. Щелкнуло реле, в металлической коробке зашелестело, но экран остался темным.

«Ну, что теперь? – подумал Пиркс. – Бежать жаловаться в СТП?»

Он открыл дверь. Рубка походила на тронный зал. В стеклах мертвых экранов, словно в зеркалах, Пиркс увидел себя: в шляпе, которая от дождя совсем потеряла форму, с чемоданом, в осеннем пальто, он казался случайно забредшим сюда горожанином. На возвышении стояли вызывающие уважение своими размерами кресла пилотов, раскидистые, с широкими сиденьями, принимающими форму человеческого тела, – в них погружаешься по грудь. Он поставил чемодан на пол и подошел к ближайшему. Его заполняла тень, словно призрак последнего штурмана. Пиркс ударил ладонью по спинке – поднялась пыль, в носу засвербило, он начал яростно чихать и вдруг рассмеялся. Пенопластовая прокладка поручней истлела от старости. Вычислители – таких Пиркс еще не видывал. Их создатель, наверно, души не чаял в кафедральных органах. Циферблатов на пульте было полным-полно: требовалась сотня глаз, чтобы наблюдать за всеми сразу. Он медленно повернулся. Переводя взгляд со стены на стену, он видел хитросплетения латаных кабелей, изъеденные коррозией изоляционные плиты, отполированные прикосновениями рук, стальные штурвалы для ручного задривания герметических переборок, поблекшую краску на приборах противопожарной защиты. Все было такое запыленное, такое старое...

Пиркс пнул амортизаторы кресла. Из гидравликов сразу потекло.

«Другие летали – ну и я смогу», – подумал он, вернулся в коридор и через дверь напротив попал в бортовой проход.

Рядом с подъемником Пиркс заметил на стене темный бугорок. Приложил ладонь – точно: пломба на пробое. Поискал рядом другие следы, но, по-видимому, здесь заменили целую секцию – потолок и стены были гладкими. Он снова взглянул на пломбу. Цемент застыл комками. Ему почудилось, что он различает неясные отпечатки рук, работавших в страшной спешке. Пиркс вошел в подъемник и съехал вниз, к реактору. В окошечке неторопливо проползали светящиеся цифры: пять... шесть... семь... Счет палуб шел сверху.

Внизу было холодно. Коридор изгибался дугой, разветвлялся; в конце продолговатого низкого тамбура Пиркс увидел вход в камеру реактора. Тут было еще холоднее: пар от дыхания белел в свете запыленных ламп. Пиркс встряхнул головой. Холодильники? Они, наверно, где-то здесь. Он прислушался. Плиты обшивки дрожали, слегка позвякивая. Он прошел под низко нависшими сводами, глухо вторившими его шагам; ему все время казалось, что он где-то глубоко, в подземелье. Рукоятка герметичных дверей никак не хотела поддаваться. Он

нажал сильнее – рукоятка не дрогнула. Пиркс уже хотел стать на нее ногой, но разобрался в механизме замка: сначала надо было вытащить предохранительный шплинт.

За этими дверями оказались еще одни, двустворчатые, на вертикальной оси, толстые, будто вели в сокровищницу. Лак на стали потрескался. На уровне глаз можно было различить оставшиеся красные буквы:

ОП... СНО... ТЬ...

Пиркс очутился в тесном, очень темном проходе. Когда он ступил ногой на порог, что-то щелкнуло, прямо в лицо ударил белый свет, и тотчас вспыхнуло табло с черепом над скрещенными костями.

«Ну и боялись же они тогда», – подумал Пиркс.

Когда он начал спускаться в камеру, металлические ступени глухо загудели. Помещение, куда он попал, напоминало дно высохшего рва: прямо перед ним на высоту двух этажей поднималась похожая на крепостную стену выпуклая защитная стена реактора, покрытая зеленовато-желтыми бугорками. Это были пломбы на местах прежних утечек. Пиркс попытался их пересчитать, но, когда взобрался на помост и увидел всю стену сверху донизу, отказался от своей затеи: в некоторых местах из-под пломб уже не было видно бетона.

Помост, поддерживаемый железными столбиками, отделялся от остальной части камеры прозрачными стенами, будто на него насадили стеклянный ящик. Пиркс догадался, что это свинцовое стекло, предохраняющее от жесткого излучения; но все равно этот памятник атомной архитектуры казался ему бессмыслицей.

Под небольшим козырьком торчали лучеобразно растопыренные счетчики Гейгера, нацеленные в чрево котла. В особой нише Пиркс обнаружил циферблаты – все мертвые, кроме одного. Реактор был на холостом ходу.

Пиркс спустился вниз и, став на колени, заглянул в контрольный колодец. Зеркала перископа почернели от старости. Многовато радиоактивного шлака; впрочем, Марс – не Юпитер, можно обернуться за десять дней. Похоже, что топлива хватит на несколько таких рейсов. Он привел в действие кадмиевые тормозные стержни. Стрелка дрогнула и нехотя передвинулась в другой конец

шкалы. Проверил опоздание – сойдет! Лишь бы контролер СТП смотрел сквозь пальцы.

В углу что-то шевельнулось. Два зеленых огонька. Пиркс уставился на них и вздрогнул: они медленно двигались. Пиркс подошел ближе. Это был кот. Черный, худой. Кот тихо мяукнул и прижался к его ноге. Пиркс улыбнулся и оглянулся. Высоко на железной полке в клетках медленно копошилось что-то белое. Время от времени между проволочными прутьями поблескивали черные бусинки глаз. Белые мыши. Их возили иногда на старых кораблях как живые индикаторы радиоактивности. Пиркс наклонился, хотел погладить кота, но тот ускользнул из-под руки, повернулся к самой темной, суженной части камеры, тихо мяукнул, выгнув спину и, напружинив лапы, направился к бетонному скату, за которым чернело нечто вроде прямоугольного прохода. Кончик поднятого хвоста напряженно задрожал, кот крался дальше, он уже был еле виден в полумраке. Пиркс, заинтересованный, пригнув голову, следил за ним. В покатоj стене виднелись полуоткрытые квадратные дверцы, за ними что-то слабо поблескивало. Сначала Пирксу показалось, что это бухта металлического троса. Кот настороженно всматривался в эти светлые отблески, напрягшийся хвост слегка подрагивал.

– Ну, что еще? Нет там ничего, – пробурчал Пиркс и, присев на корточки, заглянул в темноту. Там кто-то сидел. Матовые блики лежали на скорчившейся фигуре. Кот, тихонько мяукая, пошел к дверцам. Глаза Пиркса привыкали к темноте: он все отчетливее различал острые, поблескивающие, высоко поднятые колени, тускло отсвечивающие металлические наколенники и охватившие их сегментированные металлические руки. Только голова скрывалась в тени.

Кот мяукнул.

Одна рука со скрипом шевельнулась, высунулась наружу и, опершись железными пальцами об пол, образовала наклонный помост, по которому кот молниеносно шмыгнул вверх и устроился на плече сидящего.

– Эй ты, – сказал Пиркс, обращаясь то ли к коту, то ли к тому созданию, которое медленно, будто преодолевая огромное сопротивление, начало убирать руку. Слова Пиркса подействовали. Железные пальцы стукнулись о бетон.

- Кто там? – послышался голос, искаженный, словно он шел из железной трубы. – Терминус говорит – кто?

- Что ты тут делаешь? – спросил Пиркс.

- Терминус... я... холодно... плохо... вижу... – прогудел голос.

- Присматриваешь за реактором? – спросил Пиркс. У него не было надежды узнать что-нибудь от автомата, обветшавшего, как и весь корабль, но зеленые кошачьи глаза почему-то мешали ему оборвать разговор.

- Терминус... реактором, – загудело в бетонном убежище. – Я... реактором... реактором, – повторял автомат с каким-то глуповатым самодовольством.

- Встань! – крикнул Пиркс, ибо ничего другого не пришло ему в голову.

Внутри заскрежетало. Пиркс отступил на шаг, глядя, как из тьмы выдвигаются и выворачиваются наружу две металлические перчатки с растопыренными пальцами, как они хватаются за края ниши и начинают вытягивать туловище, которое протяжно затрещало. Металлическое туловище согнулось, автомат вылез наружу и начал распрямляться, скрежеща и скрипя суставами. На запыленных сочленениях пластин панциря выступили капли масла. Похожий больше на рыцаря в латах, чем на автомат, робот медленно раскачивался из стороны в сторону.

- Здесь твое место? – спросил Пиркс.

Стеклянные глаза автомата, медленно оглядывая все вокруг, разошлись в разные стороны, и косоглазие придало плоскому металлическому лицу выражение совершенной тупости.

- Пломбы... приготовлены... два... шесть... восемь... фунтов... плохо... видно... холодно...

Голос исходил не из головы, а из широкой грудной клетки автомата.

Кот, свернувшись в клубок, смотрел на Пиркса с высоты железного плеча.

– Пломбы... готовы, – скрипел Терминус; руки его непрестанно двигались, и эти движения были элементами хорошо знакомой Пирксу операции: соединенными в лопатку ладонями Терминус захватывал что-то из воздуха и бросал куда-то вперед. Так переменными движениями пломбируют радиоактивную течь. Оксидированное туловище раскачивалось все сильнее, черный кот царапнул когтями по железу, но не удержался и с сердитым фырканием черной полосой ринулся вниз, скользнув по ноге Пиркса. Автомат словно не заметил этого. Он умолк. Только руки судорожно подергивались – остаточные, гаснущие движения казались затухающим, немеющим эхом его слов. Наконец он замер.

Пиркс взглянул на стену реактора, всю в подтеках, покрытую темными пятнами цементных пластырей, окаменевшую от старости, и повернулся к Терминусу. Тот был, вероятно, очень стар – кто знает, может, даже старше корабля. Правое плечо, видимо, меняли, на бедрах и голенях виднелись явные следы сварки – около швов металл, раскаленный и остывший, стал почти темно-синим.

– Терминус! – крикнул Пиркс роботу совсем так, будто обращался к глухому. – Иди на свое место!

– Слушаю. Терминус.

Автомат попятился как раз к открытому убежищу и, скрежеща, стал протискиваться внутрь. Пиркс оглянулся, ища кота, но тот исчез. Пиркс вернулся наверх, задраил герметичные двери и на лифте поднялся на четвертую палубу, в навигационную кабину.

Широкая и низкая, с почерневшими дубовыми панелями и балочным потолком, она напоминала корабельную каюту. Здесь были судовые иллюминаторы в медных кольцевых рамах. Сквозь стекла проникал дневной свет. Такая была мода лет сорок назад – даже пластиковые покрытия стен делали под дерево. Пиркс распахнул иллюминатор и чуть не стукнулся головой о стену. Иллюзию дневного освещения создавали скрытые лампы. Он захлопнул окно и отвернулся. Со столов свисали карты неба, бледно-голубые, как моря в географическом атласе; по углам валялись рулоны использованной кальки, испещренные курсовыми кривыми; чертежная доска под точечным рефлектором вся была исклевана циркулями. В углу стоял письменный стол, перед ним – дубовое кресло на шаровом шарнире, дающем возможность устанавливать его в любой плоскости. Сбоку тянулись вделанные в панель разохшиеся

библиотечные шкафы.

Настоящий Ноев ковчег.

Не потому ли агент после подписания договора сказал: «Вам достался исторический корабль?»

Старый – еще не исторический.

Пиркс принялся один за другим выдвигать ящики стола и наконец нашел судовой журнал – большой, в залоснившемся кожаном переплете со стершимся тиснением и потускневшими металлическими застежками. Пиркс все еще стоял, словно не решался занять огромное просиженное кресло. Он открыл журнал. На первой странице стояла дата пробного рейса и фотограмма технического акта верфи. Пиркс заморгал: тогда его еще не было на свете. Он поискал последнюю запись – сейчас она была самой важной. Все совпадало с тем, что ему сказал агент: корабль уже неделю загружался машинами и всякой мелочью для Марса. Старт, намеченный на двадцать восьмое, отложен, три дня идут начисления за простой. Вот почему такая спешка! Начисления за простой в земном порту могут разорить и миллионера.

Он медленно перелистывал страницы, не читая поблекших записей, замечая только отдельные стереотипные обороты речи, курсовые данные, результаты вычислений – не задерживался ни на чем, будто искал в журнале что-то другое. Из потока записей вынырнула одна – вверху страницы: «Корабль отправлен на верфи Амперс-Харт для ремонта I категории».

Дата была трехлетней давности.

Ну и что же они там улучшили? Он не отличался чрезмерным любопытством, однако проглядел опись работ, удивляясь все больше и больше: сменили носовую броню, шестнадцать палубных секций, шпангоуты крепления реактора, герметичные переборки.

Новые переборки и шпангоуты?

Правда, агент что-то говорил о какой-то давней аварии. Но это была не обычная авария, а скорее катастрофа.

Пиркс начал листать страницы в обратном порядке, – может, удастся узнать что-нибудь из записей, сделанных до ремонта. Нашел порт назначения – Марс. Груз – мелкие товары. Экипаж: первый офицер – инженер Пратт, второй – Вайн, пилоты Поттер и Нолан, механик – Симон.

А командир?

Еще страница – и Пиркс вздрогнул. Дата приемки корабля – девятнадцать лет назад. И подпись: первый навигатор – Момссен.

Момссен!

Пиркса бросило в жар.

Как это Момссен? Ведь не тот же это Момссен? Ведь... ведь там... был другой корабль!

Но дата совпадала: с тех пор прошло девятнадцать лет.

Минутку. Только не спешить. Не спешить.

Он снова взялся за бортовой журнал. Размашистый, четкий почерк. Выцветшие чернила. Первый день полета. Второй, третий. Умеренная течь реактора: 0,4 рентгена в час. Наложили пломбу. Вычисления курса. Ориентация по звездам.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Terminus, 1961. © Перевод. Е. Вайсброт, 1993

Купити: <https://tellnovel.com/stanislaw-lem/terminus>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)